

Запретить думать человеку нельзя

Щедровицкий П.Г. Запретить думать человеку нельзя [Электронный ресурс]: ИА Nord-News. 29.04.2013.
URL: <https://nord-news.ru/topic/?mtopicid=553>

16-17 мая в Праге пройдет презентация книжной серии «Философия России второй половины XX века».

Ушедший год отмечен юбилейной датой на календаре русской эмиграции: исполнилось 90 лет с момента высылки сотен интеллектуалов. Осенью 1922 года поездами и по воде разъезжались философы, экономисты, юристы, врачи, давая подписку о невозвращении под страхом смерти. Высылка была «подарком» новой власти неудобным, так как заменяла расстрел. Одновременно же подарок получила Европа, которая, в отличие от ленинской России, смогла по достоинству оценить доставшийся ей человеческий капитал. Собрательное название этой тщательно организованной акции Советов - «философский пароход». Цвет русской мысли - Булгакова, Бердяева, Франка, Сорокина и многих других - вывезли двумя рейсами немецких пассажирских судов: «Oberburgermeister Haken» и «Preussen».

Сегодня у нас есть возможность восстановить «ткань» истории благодаря проекту «Философия России». В томах книжной серии, посвященной первой половине XX века, собраны уникальные материалы о русских мыслителях: как изгнанных, так и трагически погибших в Советской России.

О потерях в российском интеллектуальном корпусе и судьбе мыслящих людей во всем мире - в интервью с инициатором проекта «Философия России XX века», заместителем директора Института философии РАН по развитию, Петром Щедровицким.

– Пётр Георгиевич, понятно, что «философский пароход» - это всего лишь символ смутной эпохи в России. И до, и после двух знаменитых рейсов - «Oberburgermeister Haken» и «Preussen» - большевики высылали, сажали и расстреливали людей мысли. И, тем не менее, «философский пароход» - некая точка отсчёта для русского просвещения. Можно ли сегодня оценить урон для русской науки и культуры, нанесенный в 1922 году? В каких отраслях мы потеряли знание?

Безусловно, уход «философского парохода» был катастрофой для России. Сегодня много сокрушаются об «утечке мозгов» из России, забывая о том, что самая страшная потеря произошла в начале 20-х годов. С той лишь разницей, что это была не «утечка», а сознательная высылка огромного числа людей. Мы потеряли живую мысль: экономистов, социологов, представителей исторических дисциплин, философов. Это создало огромные провалы в различных сферах знания, но главное - стало причиной разрыва в воспроизводстве культуры мышления: и философского, и, чуть позже, научного. Разрыв этот невозможно восстановить только за счет культуртрегерской работы по переводу. Ведь даже хорошо перевести - что, как вы знаете, не всегда получается - не значит понять.

– Когда же начался процесс восстановления утраченной мысли?

После распада СССР. В 90-е и «нулевые», с огромным (часто столетним) опозданием в Россию хлынул поток социально-гуманитарной литературы, которая издавалась в мире в XX веке, в том числе, и в Чехии. Эта литература была практически полностью закрытой от нас. Для того чтобы эффективно заниматься гуманитарными темами в постсоветские годы, приходилось использовать опыт американской, европейской, а теперь уже и азиатской, интеллектуальной культуры.

В 90-2000-е также массово началось переиздание работ русских философов, которые за советские годы стали библиографической редкостью: многие книги уничтожались целенаправленно, изымались из библиотек или же издавались только за границей. Вдумайтесь! В XX веке работы русских мыслителей - многие из них о России и глубинных проблемах нашей истории и культуры - стали доступны нам только благодаря краху СССР. И благодаря тому, что мир сохранил их, конечно.

Однако хуже другое: большевики 70 лет прививали обществу неуважение, а часто - классовую ненависть к мысли, особенно к инакомыслию. И это тоже причина того, что своя мысль не поддерживалась, прямое следствие изгнания интеллектуалов большевиками. Не только изгнания, но и физического уничтожения, конечно, которое шло с 1918 года. Ведь не забывайте, что многие из тех, кто не уехал, просто погибли - были расстреляны, замучены в лагерях.

- Правильно ли я понимаю, что жизнь и тех, и других будет отражена в книгах серии?

Совершенно верно. В рамках серии «Философия России первой половины XX века» мы издаем 37 томов, посвященных философам этого периода. Всего в проекте «Философия России» 61 том, каждый из которых - своего рода «калитка» в творчество того или иного интеллектуала. В каждом томе развернутая биография, библиография работ мыслителя и библиография работ о нем. Отдельная линия в рамках проекта - фотодокументы и архивы. Осталось очень много неопубликованных материалов, которые писались, например, гонимыми философами «в стол». Наша цель - вернуть забытые имена в культурный оборот.

- Петр Георгиевич, сколько бы мы ни анализировали историю, мы всегда натываемся на один и тот же сюжет - преследование интеллектуалов со стороны власти. В чем корни этой «традиции»? Играет ли роль почва, на которой происходят драматические события?

Дело в том, что власть - особенно абсолютистская, централизованная - всегда претендует на то, чтобы быть единственным источником истины. А поэтому появление альтернативных центров генерации знаний, представлений о мире, ценностей, для неё - проблема, так как нарушается её непререкаемость. Отношения власти с интеллектуальными сообществами в любой стране во все времена непросты. Особенно с философами, так как они говорят о предельных вещах: о том, как устроен мир, как нужно жить, что такое истина, добро, красота...

Иногда эти отношения - некий пакт о ненападении: до той поры, пока интеллектуалы не претендуют на непосредственный разбор действий власти, а обсуждают это в некой теоретической действительности, им дают возможность как-то существовать. Временами же напряженность достигает кульминационных точек: таких, как массовое потопление китайских интеллектуалов в клозетах, «философский пароход», сожжение книг в фашистской Германии.

«Философский пароход» - это первая в истории централизованная массовая высылка и, я думаю, вообще единственная в мире. А вот преследование довольно широкого круга интеллектуалов за их свободомыслие в истории неоднократно повторялось. Посмотрите историю России: XIX век - Герцен, Лавров... Да кого ни возьми из мыслителей того периода: либо вынужденно уезжали, либо добровольно - просто чтобы заниматься своим делом. Бежали как при царском режиме, так и при большевиках, причем независимо от того, каких убеждений придерживался человек. Можно было бы исходить из

того, что в царской России преследовали, например, только марксистов. Так нет же! Это касалось любых людей, у которых было самостоятельное суждение, и они не боялись его высказывать. Любой режим, так или иначе, преследует тех, кто привык думать.

- И все же есть разница между судьбой наших интеллектуалов и западных. Иначе откуда взяться традиции бежать из России именно в Европу?

Конечно, отличие положения европейских интеллектуалов от российских - и любых других, живших в централизованных тоталитарных государствах - заключалось в том, что у них было больше свободы. В Европе, как мы знаем, многие столетия существовала дихотомия светской и церковной власти, и внутри этого зазора появлялось пространство для свободного мышления интеллектуалов. Грубо говоря, если церковь начинала преследовать какое-то инакомыслие и обличать еретиков, агрессивными мерами внедряя букву религиозных представлений, можно было уйти под опеку светской власти, как и произошло в своё время с Реформацией, с Мартином Лютером. Он выживал, опираясь на небольшие немецкие княжества, которые поддерживали его финансово, идеологически и организационно. И за счёт этого Лютер оставался недостижимым для преследований католической церкви.

Если же, например, мыслителя преследовали светские властители, в Европе всегда можно было перебежать к соседу: и для того, чтобы спасти свою жизнь, и для того, чтобы получить возможность работать и открывать новое. Как известно, Христофор Колумб довольно долго собирал свою экспедицию в Новый свет. До того, как его поддержала испанская корона - причём, с третьего обращения - он сделал десяток попыток в разных странах, уговаривая власть профинансировать его.

Если бы в этот момент Европа была единым централизованным государством с абсолютистской властью, то просто не к кому было бы пойти. И, наверное, Америка не была бы открыта.

– На какие идеи русских интеллектуалов, в первую очередь, так остро реагировала власть?

На многие. Мыслящие люди выявляли те проблемы, которые лежали в основе происходящих событий, что, конечно, не могло устроить власть, стремившуюся полностью подмять под себя общественное сознание. Тем более, идеологическая борьба тогда шла печатным словом, а эти люди в России были очень авторитетны. Например, экономист Борис Бруцкус, который в 21-22 году в журнале «Экономист» - их вышло всего 4 номера - описал, почему социалистический строй рано или поздно прекратит своё существование, не зная о том, что аналогичные аргументы развивал Людвиг фон Мизес в своей книге «Социализм» в те же годы. И если мы вспомним, что произошло через 60 лет, выяснится, что они полностью описали глубинный механизм, приведший к коллапсу Советского Союза.

– Какие причины неминуемого развала Союза приводил Бруцкус?

Основная причина - закрытость от внешнего мира и отсутствие критериев оценки эффективности труда. Когда есть конкуренция, есть и возможность сравнить разные виды человеческой деятельности: более эффективные и менее эффективные. А когда мы закрываем систему и убираем рамку оценки, то мы теряем способность управлять, что и ведёт к деградации.

– Высылка Бруцкуса и прочих интеллектуалов была, с точки зрения большевиков, необходимой мерой? Недостаточно было просто запретить людям печататься? Или они все же представляли собой угрозу, до тех пор, пока они могли что-то говорить?

Конечно. Помните эту замечательную историю про то, как Николай Первый обходит строй гренадеров? Все одинакового роста, все в форме, одинаково подстрижены. Остановится, посмотрит: всё начищено до блеска, усы у всех одинаковой формы, полный порядок. Поворачивается к своему сопровождающему и говорит: «Дышат, сволочи...». То есть всё хорошо, но дышат! Так и здесь. Запретить писать, печататься, говорить, выходить из дома... Но запретить думать – то человеку нельзя!

– И, тем не менее, несмотря на давление государственной машины, мысль и знание сохраняются во всем мире.

Да, это так. Понимая проблематику агрессивного отношения любой власти к инакомыслию – я подчеркиваю, любой власти – человечество изобрело институты её сдерживания. Есть политические процедуры: выборы, смена, ротация. А есть способы, предложенные сообществом интеллектуалов. Например, в Европе, профессор в университете, получив кафедру, занимал её пожизненно. И власть не могла его просто так отстранить. Безусловно, там были свои проблемы, интриги, но, в любом случае, это был и остается публичный процесс, независимый от власти.

Посмотрите, что происходило в Европе, например. В основном, кафедры в ведущих европейских и мировых университетах получали люди, известные в своей области, проявившие себя. Например, Мишель Фуко преподавал в Коллеж де Франс (Le College de France) с 1971-го до

своей смерти в 1984 году. Его кафедра называлась «История систем мысли» и была создана, по решению общего собрания профессоров Коллеж де Франс, вместо кафедры «История философской мысли», которой, опять же, до своей смерти руководил Жан Ипполит. Фуко, заметьте, возглавил кафедру в возрасте 43 лет.

И вот процедура: собирается профессорское сообщество, решает, кому отдать кафедру, приглашает Фуко и делает ему предложение. Он соглашается или не соглашается - у него есть выбор. Согласившись, он объявляет, какая это будет кафедра, чем она будет заниматься, произносит инаугурационную речь для студентов и профессорского состава. А нагрузка у него потрясающая. Вдумайтесь: профессор обязан отводить преподаванию 26 часов в год. Кроме того, каждый год - за исключением годового отпуска, который даётся один раз в 7 лет - он должен представлять оригинальное исследование. За это профессор получает в сегодняшних деньгах 60-100 тысяч евро, то есть он получает содержание.

- За имя?

За имя. И вот такие институты, поддерживающие интеллектуалов, одновременно сберегают разнообразие, критику, возможность взглянуть на ситуацию с другой стороны, а главное - они сохраняют развитие. Такую же защитную роль играют академические институты, международные исследовательские проекты, исследовательские сети. Они поддерживают возможность свободного самоопределения интеллектуалов, для того, чтобы те могли заниматься важными - но зачастую непонятными для существующей в тот или иной период власти - исследованиями. Поэтому основная-то наша проблема заключается в том, что, выгнав такую плеяду мыслителей, Советский Союз лишился критической самооценки в лице этих людей и впал через

какое-то время в обычную для любой общественной системы самоуверенность, неминуемо приводящую к краху.

– Вы считаете, что Европа оценила русских интеллектуалов, изгнанных Лениным и Троцким?

Я считаю, что да. И не только Европа, но и Америка. Однако если говорить о Европе, нужно признать особую миссию Чехословакии в те годы. Чехословацкая республика стала для многих русских учёных, писателей, мыслителей, инженеров, врачей и юристов вторым домом. И произошло это, в первую очередь, благодаря её президенту. Томаш Масарик - философ, социолог и мудрый политик - был инициатором «Русской акции» в поддержку бежавших из Советской России. Именно этому человеку обязана русская культура XX века своим десятилетним «Ренессансом» в 20-е годы. Более чем в полмиллиарда крон обошлась Чехословакии «Русская акция». Республика истратила на русских эмигрантов больше, чем все остальные европейские страны, вместе взятые. Но Томаш Масарик достоин отдельного разговора, и мы к этой фигуре ещё вернемся. Позволю себе напоследок лишь одну цитату, девиз Масарика: «Великое не может быть великим, если оно лживо». Это кое-что говорит о человеке...

Материал на сайте:

<https://shchedrovitskiy.com/zapretit-dumat-cheloveku-nelzya>